

А. А. ГУСЕЙНОВ,

академик РАН, директор Института философии РАН,

доктор философских наук, профессор

ВОЗМОЖНА ЛИ МОРАЛЬ, НЕЗАВИСИМАЯ ОТ РЕЛИГИИ?

Мораль (нравственность), несомненно, зависит от религии в том смысле, что взаимодействует с ней так же, как с другими формами культуры — искусством, наукой, может быть, даже теснее, чем с ними. У морали и религии есть общие точки пересечения. Так, например, для них (и только для них) специфична проблема смысла жизни человека. В интересующем нас вопросе речь идет, видимо, не о такого рода горизонтальных связях, а совсем о другом, а именно: производна ли мораль в своем происхождении и зависима ли она в своем существовании от религии до такой степени, что вне религиозного контекста она деформируется, теряет свою подлинность?

Не существует религии по определению, а есть многообразные, часто отрицающие друг друга религиозные опыты, в том числе, между прочим, и такие, которые саму мораль объявляли религией. К примеру, Л. Н. Толстой считал себя глубоко верующим христианином и создал свое религиозно-нравственное учение. Однако Святейший синод назвал последнее «противохристианским». Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с двумя разными пониманиями религии вообще и христианской религии в частности. Когда говорят о зависимости или независимости морали от религии, то обычно имеют в виду авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам) в их исторически устоявшихся конфессиональных формах.

Если переформулировать исходный вопрос с учетом сделанных уточнений, то он выглядит сугубо риторическим. Ибо ответ на него совершенно очевиден и бесспорен: мораль, независимая от религии, возможна. Существовали целые эпохи и народы, которые имели огромные нравственные достижения еще в языческий период своей истории. Самый яркий пример — Древняя Греция, в рамках культуры которой выкристаллизовались кардинальные добродетели умеренности, мужества, справедливости, мудрости, было сформулировано золотое правило нравственности, разработано понятие этики. Все это — бесценное достояние человечества, в полной мере сохраняющее свое значение до настоящего времени.

Другим исторически масштабным опытом нравственной жизни, которая складывалась вне, а часто вопреки религиозно-конфессиональному влиянию, был советский опыт. Как

бы ни оценивали советскую эпоху, одно несомненно: ее нравственная повседневность ни в коем случае не может считаться правилом по сравнению с эпохой, которая предшествовала ей, и со временем, наступившим после нее.

Существуют целые цивилизации, которые по привычным канонам авраамических верований вообще являются безрелигиозными, но они тем не менее блестяще доказали свою нравственную дееспособность. Такова, например, китайская цивилизация.

Наконец, элементарный и непредвзятый жизненный опыт в современном обществе показывает, что есть много нравственно достойных людей, которые далеки от официальных церковных верований и практик и настроены по отношению к ним скептически, даже враждебно.

Мораль не только может быть независимой от религии или других детерминирующих ее факторов, но только такой она и может быть! Она выражает автономию личности. Существует много определений и теоретических интерпретаций морали. Однако один ее признак, в общем и целом, признается всеми: мораль охватывает область индивидуально-ответственных суждений и действий — тех суждений и действий личности, совершение или несовершение которых находится целиком в ее власти и которые в полной мере могут быть вменены ей в вину или поставлены в заслугу. Это не значит, что моральные действия беспричинны. А означает лишь, что сам сознательно, целенаправленно действующий индивид является их последней причиной в том смысле, что они не могли бы состояться без его моральной санкции. Человек, например, может кое-что терять из-за того, что он рыжий или обладает малым ростом. Но это не вызывает в нем угрызений совести, хотя, правда, и может доставлять жизненные неудобства. В то же время он может много выиграть, подделав подпись или иным способом обманув окружающих. При этом он где-то в глубине души понимает, что совершил подлость. Разница в том, что первое от него не зависит, а второе является его делом.

Особо следует подчеркнуть: в рамках религиозного мировоззрения мораль также фактически рассматривается как область человеческой автономии. Никто и никогда не сомневался в том, что нормы Десятисловия Моисея или Нагорной проповеди Иисуса Хри-

ста находятся в пределах возможностей верующего человека, являются делом его свободного выбора и в этом качестве вменяются ему в долг. В свое время Августин и Пелагий вели богословский спор о том, в какой мере посмертная судьба человека зависит от нравственного качества его земной жизни. Пелагий видел здесь прямую связь. Августин считал, что такой связи нет, и рассматривал спасение человека как непостижимую тайну Бога. Однако и Августин рассматривал моральный выбор как исключительную прерогативу человека, ибо, как писал он, в самих божественных заповедях не было бы пользы для человека, когда бы не обладал он свободным произволением воли.

Есть, правда, один пункт, где идея морали кажется зависимой от идеи Бога. Это был основной аргумент, в силу которого Л. Н. Толстой (см. об этом его работу «Религия и нравственность») на вопрос о возможности нравственности, независимой от религии, давал отрицательный ответ, тут же, правда, уточняя, что речь идет о религии в его понимании. Под религией он понимал отношение человека к окружающему его бесконечному миру, его началу и первопричине, и при этом считал, что без такого отношения к миру существование человека так же невозможно, как невозможно его существование без сердца. Соответственно нравственностью он называл обозначение и разъяснение той деятельности, которая вытекает из того или иного религиозного отношения к миру. Речь, таким образом, идет об осмыслении моральных абсолютов и абсолютности самой морали в ценностной системе координат человеческого поведения. Насколько я могу судить, пока еще не найдено удовлетворительного философского решения данной проблемы, если, конечно, не считать за такое решение сам отказ от морального абсолютизма¹.

Первоисточниками важнейших общечеловеческих норм в культурной зоне авраамических религий являются Тора, Евангелие, Коран. Сформулированы они там от имени Бога. Этот факт как будто бы опровергает идею автономной морали. В действительности он может быть дополнительным аргументом в ее пользу. Возведение моральных норм к Богу, рассмотренное в контексте культуры, может быть понято как знак и признание того, что никто из людей не имеет

исключительного права говорить от имени морали, что перед ней, перед моралью, как и перед Богом, все равны и что, следовательно, на каждом индивидуе лежит бремя ответственности и суда за следование тем нормам, которые определяют меру его человечности.

Во «Второзаконии» Моисей, подводя итог наставлениям Бога, говорит: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор. 30, 15). Добро несет свою награду в себе, оно совпадает с жизнью, зло несет свое наказание в себе, оно совпадает со смертью. Это представление о самоценности добра, об изначальности морали в человеческой жизнедеятельности красной нитью проходит через всю Библию. С него начинается и им кончается библейская версия человеческой истории. Сотворив человека и поселив его в саду Эдемском, Бог разрешил ему есть от всякого дерева за исключением дерева познания и добра: «Не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17). Человек понял этот запрет как моральное предписание. А на самом деле слова Бога были фактическим утверждением. Бог просто сообщал человеку о ядовитости плодов этого дерева и предостерегал его, так же как взрослый предостерегает ребенка, запрещая ему играть, например, спичками. Человек же усвоил только то, что он *сам* может выбирать. Он проигнорировал самое важное, а именно, что выбор будет адекватным, поддерживающим его жизнь и, следовательно, соответствующим также его самости, только в том случае, если это будет выбор добра. Моральная автономия есть привилегия и право разумного существа быть моральным, выстраивать свое познание и свою жизнь по вектору добра. А человек, согласно библейской легенде, которая, впрочем, довольно точно обобщает историческую правду, истолковал ее ложно — как право самому решать, что есть добро и что есть зло. Именно это роковое заблуждение стало первопричиной человеческих бедствий, о чем мы узнаем из заключительной книги «Откровение святого Иоанна Богослова», идейно и композиционно завершающей Библию. В ней описывается страшный конец, где народы губят друг друга, выстроившись по линиям добра и зла так, как они их понимают.

Нет сомнения, религия и мораль — разные вещи. Они и именуются по-разному. Но они при этом «тянутся» друг к другу, переkreщаются. Возникает вопрос, так ли они соединяются друг с другом, как это происходит, например, в случае соединения религиозных и эстетических чувств. Или как-то по другому? Художественно-эстетическое

¹ В поиске философского (не теологического) ответа на этот вопрос я вижу одну из важнейших задач этики сегодня (см. об этом мои статьи: Сослагательное наклонение морали // Вопр. филос. 2001. № 5. С. 3–32; Об идее абсолютного в морали // Вопр. филос. 2004. № 3. С. 3–13).

и религиозное восприятия мира по существу различны, до такой степени различны, что вполне мыслим и существовал религиозный опыт (например тех же первых христиан) вне специального эстетического оформления. А возможен ли он вне этического наполнения — вот вопрос! Нет ли в самом характере различия (разности) между моралью и религией чего-то такого, что не позволяет им оторваться друг от друга?

Возьмем различие между моралью и религией так, как оно выражается, когда религия является монотеистической, а мораль — автономной. Религия учит, что без ведома Бога ничего не происходит в мире. Мораль учит человека брать на себя всю полноту ответственности за свои действия. Нетрудно видеть: здесь — не просто различие. Здесь — противоположность. А противоположности переходят друг в друга, как нас учит диалектика.

Следовать воле Бога — такова логика человека религии. «Не как я хочу, а как ты хочешь, Боже», — говорил Иисус перед лицом предстоящей страшной казни. Теперь давайте задумаемся, где и когда мы действуем не от себя? Тогда, когда мы ставим себя на службу другому — готовы пойти в огонь и воду ради любимого человека, пожертвовать собой ради Отчизны, умерять свои эгоистические страсти и интересы, оторвать что-то от себя и отдать ближнему, следовать долгу и так далее, то есть тогда, когда мы действуем нравственно. Из всех форм ценностного сознания и поведения именно мораль (и едва ли не только она!) ориентирует человека на благо другого, на то, чтобы руководствоваться тем, что несомненно получило бы всеобщее одобрение, что хотели бы другие, а не ты сам от себя. Мораль, собственно, и есть способность соразмеряться с другими, жить в общежитии. Получается, что, действуя в логике религии, мы попадаем в пространство морали. Заповедь любви в христианской версии, собственно, об этом и говорит: «Люби Бога и ближнего как самого себя».

Подойдем теперь с другой стороны: мораль означает — быть последней и высшей причиной своих действий. Это значит быть зачинателем мира, действовать так, как если бы ты был высшей, последней и абсолютной инстанцией. Автономия морали не просто предполагает человека гордого, а преисполняет его такой гордыней, которая не считается ни с кем и ни с чем, а только с тем, что он сам считает правильным, и даже, как мы узнаем из Библии, не признает заповедь Бога, полагая, что даже Бог ему не указ. Получается, что, следуя логике морали, человек действует так, как если бы он сам был Богом.

Противоположности, таким образом, действительно переходят друг в друга. Двигаясь в направлении, которое задается религиозной логикой, человек раскрывает себя как нравственное существо. Двигаясь в направлении, которое задается логикой морали, человек раскрывает себя как божественное (богоподобное, богоравное) существо.

Европейский гуманизм вырос из критики религии. Но не вообще религии, а религии в ее средневековой версии. Надо различать религию саму по себе и религию в церковно-догматизированном и ритуализированном виде. Правда, я не уверен, существовала бы первая (религия), если бы не было второй (церкви). Тем не менее это разные вещи.

Давайте задумаемся: что останется от религии, если вычесть из нее символ веры, обрядность и прочие вещи, которые замкнуты на интересы церкви как особого общественного института, а также всякие сомнительные с научной точки зрения представления о мире (творение за шесть дней, непорочное зачатие и т. д.)? Многие умные люди полагали, что в таком случае останется только мораль. Толстой так думал. Фейербах так думал. Что-то в этом роде думал Кант. И Спиноза. Может быть они правы?

Хочу обратить внимание на такой, с интересующей нас точки зрения, очень показательный факт. Эпикур считается атеистом (по крайней мере, многие, в том числе идеологи церкви, считали его таковым). В то же время известно, что у него была своя теология. Он признавал существование богов. Его боги — существа блаженные и бессмертные, которые живут в межмировых пространствах в совершенной безмятежности. Что он определенно отрицал, так это промыслительную деятельность богов. По Эпикуру, боги не вмешиваются в человеческие дела ни в смысле наказания, ни в смысле благотворения. И одного этого оказалось достаточно для того, чтобы считать его атеистом, видеть в нем «героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию» (Маркс). Если Эпикур попал в число атеистов только потому, что он отказал богам в участии в человеческих делах и построил этику без оглядки на них, то это означает (по крайней мере, с точки зрения тех, кто считает Эпикура атеистом), что религия, оторвавшись от морали, перестает быть религией.

Я думаю, мы должны исследовать мораль саму по себе, без апелляции к религии. Если между ними есть связь, то ее необходимо выявить (к ней подойти) в ходе и через исследование морали. Ключевым является вопрос: а что есть такого в моральном опыте, с какими такими трудностями и тупиками встреча-

ется познание морали, которые принуждают нас обратиться к религии? Повторюсь: с моей точки зрения, это вопрос прежде всего об абсолютности моральных притязаний.

Обсуждая тему соотношения религии и морали, нужно иметь в виду ее взрывоопасную силу. Джордж Буш, президент США, прочерчивая свою ось зла, проходящую через 60 стран и более, как он выразился, апеллирует к Богу. Бог не нейтрален, утверждает он. Но те, кто противостоит ему, тот же Бен Ладен, также творят свои черные дела именем Бога. Кто нам укажет критерий, отделяющий злоупотребление именем Бога от оправданного обращения к нему?! Мне кажется, нравственная атмосфера современного общества будет намного чище, если мы не будем делать вид, будто знаем, что хочет от нас Бог или чего требует от нас история, а

будем принимать решения и совершать поступки с полным сознанием своей собственной ответственности за них.

Содержание нравственных норм и добродетелей является до банальности простым и практически одинаковым во всех развитых культурах; так, любой современный человек знает, что обманывать — плохо, а помогать нуждающимся — хорошо. Но что касается философских и религиозно-конфессиональных обоснований и конфигураций морали, то они сильно отличаются друг от друга. Поэтому в современных условиях разъедающего мировоззренческого плюрализма очень важно акцентировать внимание на единстве нравственного опыта людей в рамках общепринятых светских форм жизни, а не на различиях, которые связаны с доктринальными обоснованиями и версиями этого опыта.